СОЦИОЛОГИЯ ЖИЛИЩА

УДК 316.33

2020.02.011. КАЗАКОВА А.Ю. РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: ZADOMOWIENIE: KONTEKSTY EMPIRYCZNE / POD RED.M. ŁUKASIUK, M. BROSZ. – Gdańsk: Wydawnictwo Zakładu Realizacji Badań Społecznych Q&Q, 2018. – 129 s. [ДОМЕСТИКАЦИЯ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ / ПОД РЕД.М. ЛУКАШИК, М. БРОША]. KAZAKOVA A.YU. Book review: Domestication: Empirical contexts. DOI: 10.31249/rsoc/2020.02.05

Аннотация. В центре внимания коллектива польских социологов находится малоизученный и в отечественной, и в мировой традиции концепт доместикации как «приватизации» человеком пространства, обживания дома и выстраивания с ним эмоциональных связей. Процесс доместикации представлен в виде концентрических кругов, расходящихся от дома как наиболее обжитого пространства к иным его типам, которые человек с различной степенью уверенности и благодаря разным видам социальных действий и связей может считать своим. Дом представлен как необходимое условие чувства безопасности, гармоничной идентичности и сохранности собственного достоинства, источник любви к малой родине и преемственности межпоколенных связей и ценностей.

Abstract. The focus of the team of Polish sociologists is the concept of domestication, which is poorly studied in both national and world traditions, as the «privatisation» of space by a person, habitation of the house and building emotional ties with it. The process of domestication is represented in the form of concentric circles that diverge from the house as the most habitable space to other types of it, which people with different degrees of confidence and due to different types of social actions and connections can consider their own. The

house is presented as a necessary condition for a sense of security, harmonious identity and self-preservation, a source of love for the small homeland and continuity of intergenerational ties and values.

Ключевые слова: социология жилища; доместикация; привязанность к дому.

Keywords: sociology of dwelling; domestication; attachment to the house.

Коллективная монография «Доместикация: Эмпирические контексты», предметная сфера которой определена ее научными редакторами Магдаленой Лукашик и Мачеем Брошем как социология жилища, издана в 2018 г. по материалам симпозиума «Крыши и стены: Антропологические и социологические аспекты архитектуры», проведенного 14–16 сентября 2017 в г. Лидзбарк-Варминьском секцией социальной антропологии Польского социологического общества, Городской педагогической библиотекой «Оранжевая культура» в Лидзбарк-Варминьском, Институтом прикладных социальных наук Варшавского университета, а также Институтом философии, социологии и журналистики Гданьского университета.

Тема доместикации – эмоциональной связи обитателя с обитаемым пространством, обитаемости и обживания пространства, – в современной социологии является белым пятном. В духе информационно-технологической теории М. Кастельса, которая намечает механизмы, преобразующие дом как точку в «пространстве мест» в дом как изменчивую, временную локализацию в «пространстве потоков» [Кастельс, 2001], феномен «социума на дому» неоднократно рассматривал нижегородский социолог В.П. Козырьков [Козырьков, 2009]. При этом исследователь обращает особое внимание на роль массовой коммуникации, что сближает его анализ с наиболее известной интерпретацией понятия «доместикация» в теории медиа и новых технологий Р. Сильверстоуна и Э. Хирша [Consuming technologies, 1992; Haddon, 2007].

В польской монографии тема доместикации раскрывается на богатом эмпирическом материале в девяти разделах, включая написанные редакторами вступление – «Доместикация в эмпирических контекстах» – и заключение – «Анализ обживания с использованием методологии устоявшихся теорий». Композиция

подчиняется логике «концентрических кругов, начинающихся внутри дома и далее охватывающих балкон, двор, поселок и приход /.../ Доместикация различается не только степенью освоения пространства (от лучше всего персонифицированного дома до наименее освоенного прихода), но также тем, что она означает в различных пространствах, какие ощущения создает у жителей. Иными словами, явления, которые охватывает доместикация, демонстрируют большую качественную дифференциацию в зависимости от того, каких пространств они касаются» [Zadomowienie, 2018, s. 4].

Книгу открывает подготовленная редактором М. Лукашик теоретическая глава «Что такое доместикация?», где представлена попытка операционализировать ключевое понятие «zadomowienie»¹, которое отчасти идентично множеству социологических и психологических теорий, отчасти содержит собственный, с трудом вычленимый и ускользающий, познавательный компонент.

Для его выявления на фоне предыдущих теорий автору приходится разбить исторический экскурс на две части, позволяющие обосновать доместикацию применительно к пространствам внутри и снаружи жилища.

Для характеристики внутренней жилой среды автор привлекает разные теоретические интерпретации понятий «комфорт» (в плане его структурной декомпозиции), «тело» (как точка пространственного отсчета), «социальные практики» (которыми являются заселение, обживание, осваивание места жительства).

Для характеристики внешнего по отношению к жилищу пространства – среды его ближайшего окружения – автор сравнивает классические концепции соседства: соседство как социальная система – в люблинской социологической школе Ежи Туrowsкого и Петра Крычки; как набор повседневных культурных практик, которые с опорой на теорию П. Бурдьё исследуют сама М. Лукашик, профессор Ягеллонского университета в Кракове Марта Смагач-Поземска, профессор Варшавского университета Яцек Курчевски.

Именно от соседских практик можно перебросить мостик к важнейшей категории, введенной в научный анализ известным

¹ В разных контекстах наиболее подходящими русскими эквивалентами могут быть «обживание», «одомашнивание», «приватизация» или «персонификация», а интерконтекстуальным эквивалентом является «доместикация».

польским социологом Станиславом Оссовским, – «приватная родина» (наш современник, как отмечает автор, предпочел бы выражение «малая родина»). Личность привязывается к ней посредством обретения ряда навыков, иначе говоря, в деятельности. «Собственная», личная – приватная – родина «формируется повседневным общением, наблюдением, телесным опытом, т.е. через непосредственный контакт, наиболее интенсивный в детстве и юности, очень насыщенный эмоционально» [Zadomowienie, 2018, s. 10]. В современном социологическом дискурсе рассуждения о малой родине вытеснены концептом локальности, ревизией вопроса о сохранности в условиях глобализации территориальной идентичности и территориальных общностей, идеями «общественного участия», «дружественности» города и его отдельных пространств. Вместе с тем, убеждена М. Лукашик, «хоронить» территориальность преждевременно. Она сохраняется и сегодня, пусть и в законсервированном, латентном существовании: не как постоянно наблюдаемое участие, взаимодействие и взаимопонимание территориально близких друг другу людей, но как их потенциал, который раскрывается при условии свободного выбора личности. В качестве аргумента М. Лукашик привлекает концепцию «микрорегиона» Анджее Майера, в которой именно личность активно и осознанно формирует область и границы своей пространственной и социальной деятельности, решая, с кем или с чем не следует соприкасаться, какие пространства покорять или разделять с другими.

И хотя автор не дает прямого определения понятию «доместикации» (кроме формулы «отношение индивида к его пространству» [Zadomowienie, 2018, s. 11]), очевидно, что это не просто семиотическая компетентность, умение верно считывать разлитые в пространстве знаки и эффективно ими оперировать. Это процесс мозаичного нанизывания в личном опыте по-разному распределенных в различных типах пространства навыков, включения коммуниканта в различные типы посвященных этим пространствам дискурсивных практик, «сопротивления» самого пространства и его преодоления, запечатления в пространстве своей личности. Вероятно, среди всех этих способов наиболее распространенным, конструктивным и долговременным является труд. В пользу этого говорит, например, противопоставление друг другу практик обживания дворового пространства соседями «старой», социалистиче-

ской, и новой, постсоциалистической формации в статье М. Кучиньской (см. далее. – *Рец.*).

Своим наброском будущей теории доместикации М. Лукашик создает теоретическую рамку для восприятия последующих глав, где результаты полевых исследований излагаются в соответствии с определенной автором структурой расходящихся «концентрических кругов».

Анализ роли места жительства в жизни людей пожилого возраста приводит сотрудниц Щецинского университета Целину Тимошик-Томчак и Магдалену Лешко к выводам, изложенным в главе «Что творится в жилище? Что творится с жилищем? Привязанность к месту жительства на этапе поздней зрелости». Сила, которая удерживает пожилых людей от переезда к детям, в учреждение социальной опеки или просто в жилье меньшей площади, – это хорошее знание места, его истории и соседских историй, общность с рядом живущими людьми, что в совокупности создает чувство защищенности домом. Комфорт жилища, который формирует и зависимость от него (как возможность преимущественно или только с его помощью удовлетворять важные для пожилого человека потребности), и принятие жилища как части себя, увязывается с наличием неких «козырей», особенностей, отличающих данное жилое помещение от подобных или предыдущих, которыми жилец владел ранее. Собственность важна и сама по себе, и как условие сохранения привычного уклада жизни по собственным правилам или даже обретения «настоящей, самостоятельной жизни» [Zadomowienie, 2018, s. 21], независимости от членов семьи, соарендаторов или соседей. Собственное пространство дает свободу самовыражения. Память и опыт связаны прежде всего с характером семейных отношений, но все респонденты подчеркивают незаменимость жилища для поддержания тесных внутрисемейных связей. Непрерывность истории места, семьи и жилья обеспечивают хранящиеся в доме предметы, являющиеся не столько имуществом, сколько знаками – то, что можно считать ностальгией по образу этого места в прошлом, по собственной молодости и людям, которые были важны. Вложенный в дом труд, индивидуальные и коллективные усилия, затраченные на его приобретение, совершенствование и обустройство, образуют своеобразный капитал жилища, который не соотносится с его рыночной стоимостью,

но становится мощным якорем, делающим добровольный переезд практически невозможным. Практическое следствие, вытекающее из этих результатов, – необходимость корректировки социальной политики, которая направлялась бы признанием более высокого качества жизни на ее закате в своем, автономном домашнем пространстве, что было бы выгодно не только пожилым людям, но и членам их семей и более широкому окружению.

Балкон как вспомогательная, «маргинальная» часть жилища, принадлежащая одновременно внутреннему и внешнему пространству, позволяющая одновременно что-то удалить или выставить напоказ, обсуждается сразу в двух работах: «Балкон как сфера лиминальности» сотрудника Университета социальной психологии и гуманитарных наук в Варшаве Блажея Просьневского; «Перформативное пространство балкона в контексте стилей жизни» Уршули Ярецкой из Института философии и социологии Польской академии наук. Первый указывает на многообразие прагматических и символических функций балкона помимо декоративной: сушильня, склад, место отдыха, домашний огороδικ, пространство манифестаций и коммуникации. У. Ярецка сосредоточивает внимание именно на двух последних. Архитектурную историю балкона Б. Просьневский представляет как историю «городского спектакля», где в зависимости от эпохи и жилищной страты на первое место выдвигается то зрительный зал, то сцена, то кулисы, но сосредоточивается на поведении хозяев. Используя терминологию И. Гофмана, Б. Просьневский отмечает: «Балкон – это место, где разыгрываются социальные роли (мать, зовущая ребенка на обед, старичок, молчаливо наблюдающий за окрестностями, “ритуальное” употребление еды и т.д.), но одновременно он позволяет сбросить маску конвенционального социального поведения и появиться на нем в одном белье. В итоге лиминальное измерение балкона не вполне тождественно понятию полуприватного пространства» [Zadomowienie, 2018, s. 29]. Эту идею развивает У. Ярецка, которая акцентирует именно процесс «считывания» соседями и прохожими социальной принадлежности владельца балкона по его содержимому. В зависимости от степени осознанности, с которой наполняет балкон обитатель квартиры, это содержимое способно функционировать как простая метонимия (например, обилие бутылок или детская коляска) или развертываться

в сложную художественную инсталляцию. В обоих случаях «типичные практики, к которым балкон подталкивает своего владельца... помогают жителям в повседневной деятельности, позволяют реализовать эстетические потребности, мечту о рае, выразить мировоззрение. Понимаемые так “балконные представления” обуславливают характер микрорайона, города; они участвуют в социальном создании общего пространства жителей» [Zadomowienie, 2018, s. 41].

В главе «Изменения двора и дворовой жизни в свете организационной теории Мишеля Фуко» для демонстрации социокультурного сдвига, который произошел в дворовой культуре, в практиках использования придомовых территорий горожанами, выпускница Варшавского университета Мария Кучиньска привлекает метод наблюдения, интервьюирования и автомемораты. Основная суть этого сдвига состоит в том, что подворье превращается из общественно значимого и коллективно используемого пространства в место транзита или «не-место» М. Оже. Из концепции дисциплинарной власти М. Фуко М. Кучиньска заимствует категорию устройства (диспозитива), которую применяет к «дворовости» в силу изменчивого постоянства, отсутствия авторства, многообразия элементов и связи двора с различными сферами жизни: «К анатомии двора я отнесла зонирование, его элементы, планировку застройки, планировку открытых пространств и объекты обслуживания. К правилам – дворовые законы, запреты и предписания, установленные правила, а также обязанности. Порядок связан с использованием двора людьми, охраняющими этот порядок, а также с соблюдением пространственных границ. Дворовые дискурсы касаются воспитания детей (их безопасности, развития, потребностей) и соседства» [Zadomowienie, 2018, s. 66]. Соседский энтузиазм, характерный для послевоенных лет, когда люди с одними и теми же потребностями и опытом лишений совместно создавали и обустроивали комфортное общее пространство, сменилось полной профессионализацией услуг, оказываемых управляющими компаниями, и приходом поколения с совершенно иными ценностями – необременительного соседства, что автор связывает прежде всего с изменением модели воспитания детей и бюджетов времени семей.

Сотрудница Гданьского университета Каролина Чехорска-Кулеша в главе «Расколдованные кварталы? Роль и примеры идентификационных якорей в отдельных районах Гданьска» обращается к теме территориального имиджа, пытаясь вычлнить решающие для (не-)привлекательности городских ареалов элементы на необычном материале типовой многоэтажной застройки приморских кварталов периода 1970-х годов – «послевоенного социалистического модернизма». Их восприятие жителями амбивалентно: «Эти районы вызывают ... противоречивые ощущения. С одной стороны, они воспринимаются как монотонные, ассоциирующиеся с ПНР, неприглядные, ничем не примечательные спальные районы. С другой – как всё еще привлекательные места для проживания: жители высоко оценивают качество жизни в них по сравнению с другими частями Гданьска. Там растет население, и участки новой застройки пользуются большой популярностью» [Zadomowienie, 2018, s. 86]. Отталкиваясь от заданного в более раннем исследовании вопроса: «Почему архитектура XX в. не вошла в сознание жителей Гданьска и Сопота как часть местной традиции, почему ее достижения оспариваются, а памятники разрушаются?», исследовательница создает концепцию «якорей идентичности», полагая, что процесс «якорения» релевантен формированию отношений человека и места в большей степени, чем процесс «укоренения», который предполагает прочную и почти неразрывную связь человека с почвой, в исследованиях Александры Гжималы-Казловской [Grzymała-Kazłowska, 2013]. Якорями идентичности К. Чехорска-Кулеша называет те «элементы и особенности пространства, которые жители отмечают и считают отличительными чертами данных мест» (s. 98), и выделяет среди них материальные, эстетические и функциональные. Большинство из них носит некоммерческий характер, что и говорит о высоком качестве среды, главными козырями которой оказываются те или иные общественные пространства. Высокую аттрактивность районам блочной застройки обеспечивает «сшибка» старости и новизны. Первое дает преимущество социальной памяти, опоры на соседские связи и события истории, свидетелями которых были местные пенсионеры и районные дома культуры, привычности элементов и способов организации пространства, закладывающих местные традиции. Новизна же – это прежде всего непрекращающееся развитие рай-

онов, которое позитивно оценивается жителями также с опорой на социальную память.

Малгожата Джюра из Национального краеведческого музея в Перемышле своеобразно продолжает тему пространственных якорей, рассматривая своеобразие «звукописи» поселения в главе «Одомашненная аудиосфера: Колокольный звон в сельском пространстве». Острая потребность современного, постоянно мигрирующего человека в безопасности, общности, эмоциональных связях, надежной защищенности домом обуславливает важные психоэмоциональные, терапевтические функции не только дома, но и ближайшей пространственной среды со свойственными ей предметами и звуками как системой значений и символов, позволяющих почувствовать себя дома, что автор подкрепляет ссылками на М. Хайдеггера («Связь человека с местом и через место – с пространством – основана на проживании» [Heidegger, 1977]) и К. Кайданек («Проживание понимается как процесс обозначения пространства как своего» [Kajdanek, 2014]). В этом контексте она рассматривает роль колокольного звона как источника звукового своеобразия места проживания и дополнительной сакрализации образа расположенного в этом месте дома, обеспечивающего крепкую территориальную идентичность: «Современный рациональный человек не ищет у колокольного звона защиты и не верит в его мистическую силу, но обнаруживает в этих звуках наследие своей культуры и близость. Крепко укорененная в сознании символика звона поднимает его социальный престиж в локальном, национальном и наднациональном измерении. Его звук – родной, дающий чувство укорененности в месте» [Zadomowienie, 2018, s. 114].

М. Брош посвящает заключительную статью процессу поиска методологии исследований жилищных практик, а точнее – «управления жилым пространством на ранних этапах обживания» [Zadomowienie, 2018, s. 117], которая возникла в ходе работы над диссертацией на тему «Воображение, осуществление и контроль: Структура деятельности в домашнем пространстве». Главной целью последней являлось воссоздание на базе качественной методологии многомерной, но понятной и прозрачной сферы активностей, а именно: выстраивания индивидуального жизненного пространства через этапы его придумывания, реализации замысла

и коррекции отклонений от первоначально выстроенного воображением идеального образца. Работа представляет исследовательскую автобиографию ошибок, затруднений и внезапных находок, которые ожидают молодого ученого, колеблющегося между двумя ролями – отважного собирателя полевых данных и скрупулезного библиографа проблемы, перерывающего горы литературы в поисках «хорошо обоснованной теории». Между ними крайне трудно найти баланс, с огромной долей самоиронии и юмористических примеров показывает М. Брош, именно в случае жилищных исследований. Повседневные жилищные практики слабо отрефлексированы не только в научном поле, но и в публичном нарративе. Они плохо вербализуются респондентами и часто не осознаются своими носителями, оставаясь за порогом сознания в силу обыденности и привычности.

Возникновению такого баланса, бесспорно, способствует представленная в монографии концепция доместикации, которая должна составить одну из важнейших научных категорий социологии жилища как еще слабо обособившейся теории среднего уровня. Анализ многочисленных примеров индивидуальных и коллективных взаимодействий жителей с пространством позволяет четче обозначить грань между «территориальной идентичностью» модерна и «доместикацией» («обустройством», «обживанием») постмодерна. Ее определяет инверсия субъект-объектных отношений. Ранее человек выступал объектом, частью большого целого, каким являлась территория вместе с другими населяющими ее людьми, с которыми он мог (или не мог, следствием чего становилась маргинальность) идентифицироваться. Современный человек не просто обладает большей свободой выбора пространств идентификации (имея возможность, например, поддерживать связи с людьми на давно оставленной им территории благодаря виртуальным группам, социальным сетям и т.д.) – он способен создавать личную конфигурацию пространств разной степени освоенности. Главная идея книги, подтвержденная эмпирически, – постулат о невозможности быть собой вне своего места, как физического, так и символического, которым и является дом, обеспечивающий и чувства принадлежности и безопасности, и чувства автономии, независимости, собственной ценности и достоинства.

Список литературы

Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М.: ГУ-ВШЭ, 2001. – 608 с.

Козырьков В.П. Характер доместики современного общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2009. – № 4. – С. 86–92.

Consuming technologies: Media and information in domestic spaces / ed. by R. Silverstone, E. Hirsch. – L.; N.Y.: Routledge, 1992. – 236 p.

Grzymała-Kazłowska A. Zarys koncepcji społecznego zakotwiczenia: Inne spojrzenie na tożsamość, adaptację i integrację imigrantów // Kultura i społeczeństwo. – 2013. – Т. 57, N 3. – S. 45–60.

Haddon L. Roger Silverstone's legacies: Domestication // New media a. society. – 2007. – N 9. – P. 16–24.

Heidegger M. Budować, mieszkać, myśleć. – Warszawa: Czytelnik, 1977. – 347 s.

Kajdanek K. Dom na suburbiach: Ideał podmiejskiego zamieszkiwania a strategie udomowienia // Socjologia zamieszkiwania / pod red. M. Łukasiuk, M. Jewdokimow. – Warszawa: Sub Lupa, 2014. – S. 181–214.

Zadomowienie: Konteksty empiryczne / pod red. M. Łukasiuk, M. Brosz. – Gdańsk: Wydawnictwo Zakładu Realizacji Badań Społecznych Q&Q, 2018. – 129 s.

© Казакова А.Ю., 2020